

*К. В. Преображенская, С. В. Клюев, А. А. Иванов**

ФЕНОМЕН ПРОЩЕНИЯ: СОВРЕМЕННЫЙ ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС

Феномен прощения в последние десятилетия стал предметом междисциплинарных исследований на стыке философии, психологии и теологии. В христианской теологии прощение является фундаментальным понятием, воплощающим суть Божьей любви и милосердия к человечеству и указывающим на вершину христианской нравственности. Смещение научных акцентов в современных теологических исследованиях от онтологических и богословских ракурсов к антропологическим векторам в результате «антропологического поворота» рубежа XIX–XX вв. придает дополнительную актуальность дискурсу межличностного прощения. Специфика отношений «прощения и непростения» в христианской теологии заключается в том, что «горизонтальные» аспекты обиды, вины, воздаяния и собственно прощения тесно связаны с «вертикальными» (взаимоотношениями человека с Богом). Последние, в свою очередь, обуславливают как побудительные мотивы прощения

* Преображенская Кира Владиславовна — канд. филос. наук, доц.; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского, Российская Федерация, 191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, д. 15, лит. А; kira459@list.ru

Kira V. Preobrazhenskaya — Cand. Sci. in Philosophy, docent; Russian Christian Humanitarian Academy named after F. M. Dostoevsky, 15, Fontanka River embankment, St. Petersburg, 191023, Russian Federation; kira459@list.ru

Клюев Станислав Владимирович — аспирант; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского, Российская Федерация, 191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, д. 15, лит. А; advokat.udm@mail.ru

Stanislav V. Klyuyev — postgraduate student; Russian Christian Humanitarian Academy named after F. M. Dostoevsky, 15, Fontanka River embankment, St. Petersburg, 191023, Russian Federation; advokat.udm@mail.ru

Иванов Андрей Анатольевич — д-р филос. наук, проф. каф. философии и истории; Сибирский ун-т потребительской кооперации; larsandr@mail.ru

Andrey A. Ivanov — Dr. Philos. Professor of Philosophy and History; Siberian University of Consumer Cooperation; larsandr@mail.ru

ближних, так и наличие ресурсов для осуществления прощения. Философско-антропологические интерпретации делают акцент на положении субъекта в мире, его соотносительности с идеалами нравственности и действиями других субъектов.

Ключевые слова: прощение, обида, смирение, жертвенная любовь, субъект, вина, этика.

Preobrazhenskaya K. V., Klyuev S. V., Ivanov A. A.
*THE PHENOMENON OF FORGIVENESS: A MODERN PHILOSOPHICAL
AND ANTHROPOLOGICAL PERSPECTIVE*

The phenomenon of forgiveness has become the subject of interdisciplinary research in recent decades at the intersection of philosophy, psychology and theology. In Christian theology, forgiveness is a fundamental concept that embodies the essence of God's love and mercy for humanity and points to the pinnacle of Christian morality. The shift of scientific accents in modern theological research from ontological and theological perspectives to anthropological vectors as a result of the "anthropological turn" of the turn of the XIX–XX centuries gives additional relevance to the discourse of interpersonal forgiveness. The specificity of the relationship of "forgiveness and unforgiveness" in Christian theology lies in the fact that the "horizontal" aspects of resentment, guilt, retribution and forgiveness proper are closely related to the "vertical" (human relationship with God). The latter, in turn, determine both the motivations for forgiving others and the availability of resources for forgiveness. Philosophical and anthropological interpretations emphasize the position of the subject in the world, its correlation with the ideals of morality and the actions of other subjects

Keywords: forgiveness, resentment, humility, sacrificial love, subject, guilt, ethics.

Современный мир во многом трансформирует экзистенциальные смыслы, которые на протяжении столетий были фундаментом самоосознания человеком своего места в мире, предназначения, ценностей социальных и культурных коммуникаций. Векторы личного успеха, власти, потребления, с одной стороны, выдвигают концепцию человека как того, кто сам определяет свои аксиологические константы, кто является действительно «творцом самого себя» (в соответствии с известным тезисом П. делла Мирандола), с другой — погружают его в риски, связанные с утратой фундаментов и смыслов, которые, будучи обесцененными, создают пространство пустоты, которое не позволяет человеку опереться на собственную устойчивость.

Как отмечает Д. К. Богатырев, модерн и вслед за ним постмодерн трансформируют аксиологические константы представлений о мире, человеке и Абсолюте, переворачивая перспективы: «та антропология, которая приходит на смену "теоцентрическому персонализму", — "это перекодировка культурной матрицы", выводящая на свет "антропологический индивидуализм"» [3, с. 99]

Тема прощения как психологического и духовного феномена в последние десятилетия приобретает всё большую актуальность прежде всего в пространстве теологии. Это связано с тем, что современные теологические исследования обнаруживают смещение научных акцентов от онтологических и богословских ракурсов к антропологическим векторам: «антропологический поворот» рубежа XIX–XX вв. с его отходом от метафизики к экзистенциальному пространству человека как единственной достоверной реальности не мог не затронуть и этот спектр гуманитарного знания. Перед нами как «горизонтальные» отношения

(человека и человека, человека и общества, различных групп общества, человека и государства, государств между собой), так и «вертикальный» аспект прощения как особых отношений Бога и человека. И здесь современное гуманитарное знание обнаруживает ту фундаментальную междисциплинарность, которая необходима для анализа феномена бытия человека. В теме прощения тесно переплетаются аналитические выводы философии, теологии и психологии.

С конца 80-х гг. прошлого столетия на Западе, прежде всего в США, возникают исследовательские коллективы, работающие в тематике психологии прощения, в которой теоретическую базу для разработки психологических методик, психокоррекционных программ в сфере управления негативными эмоциями и регулирования межличностных конфликтов в значительной степени формирует осмысление христианских теологических аспектов прощения, обиды, гордости, мести, гнева.

В открытиях экзистенциальной психологии, которая всегда делает акцент на смысловых константах сознания человека, мы находим понимание прощения как личностного смысла (В. Франкл), исцеления (Э. Фромм), принятия другого (Ю. Орлов), нравственного акта (А. А. Родионова) и т. д.

При теологическом исследовании феномена прощения анализу подлежит его природа и структура, место в системе религиозного нравственного учения. Областями теологического исследования в этом случае являются нравственная теология и аскетика, а отчасти и теологическая антропология. Теологическое исследование феномена прощения направлено на выявление, анализ и интерпретацию таких значимых аспектов религиозной жизни человека, как его взаимоотношения с Богом, а также его взаимоотношения с другими людьми в условиях конфликта и их соотнесение с нормами религиозной традиции.

Здесь собственно философско-антропологические ракурсы будут лежать на пересечении пространств психологии и теологии, однако исходная точка, «оптика» исследования, всегда будет выстраиваться от самого субъекта, через раскрытие его экзистенциальных потребностей, составляющих природу человека.

В авраамических религиях (христианство, иудаизм, ислам) личное прощение поощряется, так как оно воспроизводит отношение Бога к человеку и человечеству в целом. Наиболее акцентировано прощение в христианстве, которое в этом вопросе сформулировало наиболее высокие требования. Прощение в христианстве не должно определяться какими бы то ни было условиями. Оно распространяется не только на единоверцев и даже никак не акцентировано их кругом. Обиженный не должен ждать, пока обидчик раскается, и не должен ограничивать число раз, когда прощение даруется (Мф. 18:21). Нередко эти требования кажутся слишком высокими (выше понимания и даже выше сил).

Базовым ресурсом для прощения окружающих, который предлагает христианство человеку, является следующая истина: тебе прощено бесконечно много — какие тогда у тебя могут быть препятствия к прощению других самому? Наглядно демонстрирует это и притча о государе и должнике, предложенная Христом в ответ на вопрос апостола Петра о том, сколько раз надо прощать обидчика (Мф. 18:21–35): «Тогда Петр приступил к Нему и сказал: Господи! сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? до семи ли раз? Иисус говорит ему: не говорю тебе: до семи раз, но до седмижды семидесяти раз...».

Основные принципы христианского прощения подразумевают несколько аспектов:

1) Свободное решение. Прощение — это сознательный и добровольный выбор отпустить вину человеку, провинившемуся перед прощающим;

2) Дар. Прощение — это милость, дар, а не заслуга и не возмездная сделка. Побудительным мотивом данного поступка выступает сочувствие, снисхождение, милосердие.

3) Отмена долга. Простить — значит отменить долг (мнимый или действительный) и отказаться от собственных прав и ожиданий, в том числе ожиданий справедливого возмездия.

4) Бесконечность. Прощение не ограничивается «величиной долга», то есть количеством и глубиной обид.

5) Божественный источник. Первопричиной прощения обидчиков является факт прощения самого прощающего Богом, то есть прощение, полученное нами от Бога, должно распространяться на окружающих.

6) Искренность. Прощение — лишь тогда положительно значимо, когда оно является полным и искренним (идущим «от сердца»).

7) Блаженство. Прощение имеет самые серьезные последствия. Оно влечет для прощающего награду от Бога, существенное усовершенствование в добродетели (Мф. 5:48), установление мира (как в душе прощающего, так и в межличностных отношениях), счастье богосыновства.

Прощение от сердца является не просто отменой или смягчением уже состоявшегося внутреннего обвинительного приговора обидчику, но отказом от осуждения (вынесения приговора после рассмотрения дела) и даже от самого процесса суда (рассмотрения дела и выяснения всех обстоятельств проступка): «Не судите, и не судимы будете; не осуждайте, и не будете осуждены; прощайте, и прощены будете» (Лк. 6:37). Альтернативой прощения от сердца в Новом Завете выступают суд, осуждение, обида, злоба, ненависть, гнев, месть (возмездие).

Без прощения христианами нанесенных им обид их молитва не будет услышана и принята Богом, потому что в главной молитве христиан «Отче наш» присутствуют такие слова: «И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим» (Мф. 6:12). То есть прощение Богом грехов человеку поставлено в прямую зависимость от прощения самим человеком согрешений, направленных против него.

Как следует из слов Христа, сказанных в доме фарисея Симона, кому много прощается, тот закономерно много может (и должен) и возлюбить, «а кому мало прощается, тот мало любит» (Лк. 7:47). Таким образом, прощение в христианстве выступает основной формой проявления главной христианской добродетели — любви. Любовь при этом является онтологическим источником и первопричиной прощения и одновременно его идеально-побуждающим мотивом (целью). Из этого следует, что прощение выступает ключевым элементом и самой христианской веры, которая, по слову апостола Павла, действует именно любовью (Гал. 5:6).

Кроме того, в силу христианской концепции *imitatio dei* (подражания Богу), и потому, что христианский Бог — Бог всепрощающий, действующий

в отношении человека на основании «агапе» (жертвенной любви), прощение — моральный императив для всех христиан. Прощение является понятным для каждого, верным индикатором и доказательством любви. Если мы говорим, что любим, но одновременно с этим не хотим или не можем кого-то простить, то мы обманываем самих себя, и наша любовь является не чем иным, как подделкой истинной любви.

Для многих простить — значит больше не сердиться, не желать отомстить, «ничего не иметь» против другого. Но можно всего этого достичь, не жить обидой и все же не простить так, как призывает к этому Христос. Отсутствие ненависти — это не любовь, отсутствие гнева не есть примирение.

Равнодушие может быть страшнее и более вражды и ненависти. Нередко именно равнодушие выдается за прощение. В нашем языке много слов и выражений, кажущихся безобидными, но являющих, если вдуматься, сущность псевдопрощения. «Прощаю, но никакого дела с вами иметь не желаю», — христианин сказать такое не может, потому что Христос со страниц Евангелия призывает не к равнодушию, не к вычеркиванию из жизни, не к отсечению, а к жертвенной любви и прощению даже своих убийц.

Православие делает основной акцент на роли страстей и добродетелей в проблеме обиды и прощения. Страсти гордыни, памятозlobия и гнева препятствуют нашим усилиям простить и будут формировать в человеке обидчивость. Добродетели смирения, кротости и любви, напротив, благоприятствуют прекращению обид и развитию в человеке склонности к прощению, готовности прощать.

В общих чертах феномен межличностного прощения можно охарактеризовать как преодоление обиды, которое заключается в активном внутреннем противодействии собственной негативной ориентации по отношению к обидчику и развитию по отношению к нему позитивной ориентации.

Содержательная сторона феномена прощения, несмотря на многообразие его определений в психологии, подчас противоречащих друг другу, отражает тот факт, что в процессе прощения активно задействованы как ум и чувства, так и волевые действия (когнитивная, аффективная и поведенческая сферы личности). Прощающий человек в когнитивном плане прекращает осуждение обидчика и отвергает мысли о мести, зложелательство. В эмоциональной сфере человека покидают злорадство, гнев, ненависть и презрение к обидчику, печаль (туга), тяжесть на сердце и прочие негативные чувства, а на смену им приходят чувство душевной легкости, сердечной свободы, сочувствие к обидчику, радость. Поведенческий аспект при этом проявляется в отказе от действий мстительного характера.

Соответственно, можно обнаружить, что и психологические, и теологические аспекты интерпретации прощения строятся на обращении субъекта внутрь себя. В религиозном контексте прощающий как бы соотносит себя с тем, кто нанес обиду, а впоследствии переводит свой ракурс зрения на совершенство Бога, который выступает как Абсолютная Любовь и Прощение. При этом для психологии как для светской, не-религиозной оптики феномен прощения базируется на работе с собственными эмоциями: это саморефлексия, которая стремится найти баланс в самом своем «Я», вне внешних источников.

И здесь спасительные образы Любви Бога к творению не могут иметь однозначной мотивации.

В философско-антропологических ракурсах перед нами возникает модель, которая связана с осознанием субъектом своего места в мире, и в зависимости от точек зрения в этой системе координат прощение будет описываться и с точки зрения нормативной (почти юридической), и с точки зрения экзистенциальной, смыслообразующей. И здесь нанесение вреда (обиды) субъекту связывается с нарушением баланса его картины мира, если угодно — с нарушением «онтологии» его бытия. Так, Дж. Мёрфи и Дж. Хэмптон в своё время обратили внимание на то, что прощение — это двухэтапный процесс, первый из которых «включает в себя восстановление уверенности в собственной ценности, несмотря на аморальные действия, бросающие ему вызов» [4]. И в этом смысле прощение — это не восстановление утраченной картины мира, но «пересмотр суждений».

Как отмечают исследователи, которые стремятся к многоаспектному анализу феномена прощения, сам факт непрощения со стороны субъекта часто приводит к чувству неприятия, ненависти, обращенного на самого себя. Прощение становится преодолением себя. Как в своё время подчеркнула Ханна Арендт, то, что один и тот же человек участвует в драме обиды одновременно как действующее лицо и как жертва, ставит вопрос об «онтологии» обиды и прощении [1].

ЛИТЕРАТУРА

1. Арендт Х. *Vita Activa или О деятельной жизни*. — СПб.: Алетейя, 2000.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в Синодальном переводе с комментариями и приложениями // Российское Библейское Общество. — М., 2013.
3. Богатырёв Д. К., Шишова М. И. Постсекулярная гипотеза и особенности российской постсекулярности // Вестник РХГА. — 2015. — Т. 16. — Вып. № 3.
4. Murphy Jeffrie G., Jean Hampton. *Forgiveness and Mercy*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

REFERENCES

1. Arendt H. (2000) *Vita Activa ili O deyatel'noj zhizni* [Vita is active or for another life]. — St. Petersburg, Alethea.
2. Bibliya (2013). *Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta v Sinodal'nom perevode s kommentariyami i prilozheniyami* [The Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments in Synodal translation with comments and appendices] // Russian Bible Society. Moscow.
3. Bogatyrev D. K., Shishkova M. I. (2015) *Postsekulyarnaya gipoteza i osobennosti rossijskoj postsekulyarnosti* [Postsecular hypothesis and features of Russian postsecularity] // Vestnik RHGA. — 2015. — Vol. 16. — Issue N 3.
4. Murphy Jeffrey G. (1988). *John Hampton. Forgiveness and mercy*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1988.